

Что я видел

Навсегда останется в моей памяти этот вечер конца апреля, когда самолет, сопровождаемый истребителями, низко-низко шел над Ладожским озером и под нами, на расстрескавшемся, пузырившемся и уже кое-где залитом водой льду, открылась взору дорога, единственная дорога, в течение зимы связывавшая Ленинград со страной. Дорога жизни. Она уже сместилась, расползлась и местами тоже была взята водой. Самолет шел прямо на дымный багровый расплывшийся шар солнца, а позади, на всем пространстве оставленного нами берега, лежал на верхушках леса весенний золотой свет заката.

Ленинград! Каким я увижу его? Каким он стал после всех трудностей военной зимы и блокады? Как выглядят его дома, улицы? Что передумали и перечувствовали за это время его люди? И каковы они теперь, эти люди?

На грузовой машине мы въехали в город, и в неясном, рассеянном свете ночи открылись перед нами величественные и прекрасные перспективы Ленинграда: Нева, набережные, каналы, дворцы, громада Исаакия, Адмиралтейство и Петропавловская крепость, вознесшие острые шпили к ночному небу.

В иных местах, зияя темными провалами окон или полностью обнажив развороченные внутренности, стояли дома, обрушенные фугасными бомбами или поврежденные артиллерийскими снарядами. Но эти то одиночные, то более частые следы разрушений не могли изменить облика города великих зодчих. Несокрушимый, он стоял, молча раскинувшись в пространстве. Он был необыкновенно чист. Его площади, набережные, улицы поблескивали в ночи, как стальные.

На другой день я услышал волнующую повесть о том, как жители Ленинграда очистили свой город от страшных следов зимней блокады.

Жестокой была эта зима для ленинградцев! В самую тяжелую пору норма хлеба и продовольствия для многих и многих была недостаточна. Дома стояли без света, обледеневшие. Трамвай не ходил. Водопровод и канализация не действовали. Улицы поросли толстой ледяной корой, были завалены снегом и отбросами. Но только стало пригревать солнце, сотни тысяч ленинградцев — домашние хозяйки, школьники, врачи, музыканты, ученые, старики, старики (иные еще слабые от перенесенных лишений) — вооружились ломками, заступами, тачками, метлами, лопатами. И город восстал из мрака и холода — строен, величав и непобедим.

Я прожил в Ленинграде около двух месяцев. И то, что я узнал и увидел, раскрыло передо мной картины величия и силы человеческого духа, небывалые в истории человечества...

Женщины Ленинграда! Найдутся ли когда-нибудь слова, способные передать все величие их труда, их преданность Родине, городу, армии, семье, их безмерную отвагу! Нет ни одного вида труда, ни одной профессии, какими не овладела бы ленинградская женщина.

Она — у станка на заводе, у постели раненого бойца, на наблюдательной вышке, в райкоме, в школе, в детском доме и яслях, за рулем машины, в торфяном шурфе, на заготовке дров, на разгрузке баржи. Она — в форме милиционера, бойца ПВО, железнодорожника, военного врача, телеграфиста. Ее руками возделаны огороды по всем окрестностям Ленинграда и в его садах, скверах, на пустырях. Она охраняет целостность и чистоту зданий, она воспитывает сирот, она несет на своих плечах всю тяжесть быта семьи в осажденном городе. И она озаряет своей улыбкой всю жизнь Ленинграда, как солнечным лучом.

А сколько их, прекрасных дочерей

Ленинграда, на боевых рубежах — в качестве санитаров, медсестры, политрука медсанбата! С какою застенчивостью показывала мне на одном из участков Ленинградского фронта санитарный инструктор Ольга Маккавейская свой комсомольский билет, пробитый пулей. Она была ранена в грудь на вылет. Маленькие расплывшиеся крапинки крови запечатлелись на той стороне билета, которой он прилегал к груди.

Ольга Маккавейская, оправившись от раны, вернулась в свою любимую роту, роту автоматчиков. Членские взносы были аккуратно вписаны в этот окропленный кровью комсомольский билет. «Теперь у меня есть уже и другой», — с застенчивой улыбкой сказала она, показывая мне новый партийный билет.

В одной из школ Ленинграда в беседе с учащимися и преподавателями возник вопрос о «новом человеке». Вопрос возник в связи с романом «Разгром», стоящим в программе 10-го класса. Нельзя было без волнения слушать, как мои собеседники старшего и младшего поколений говорили о новом человеке, не подозревая, что они-то и есть живые новые люди, каждый шаг которых в Великой Отечественной войне освещен светом самых больших мыслей и дел.

В то время, когда враг, не раз уже побитый, обросший земляной коростой, напрасно в бессильной ярости пытается запугать ленинградцев бомбами и снарядами, в Ленинграде стоят июньские белые ночи, распустились тополя и в переполненном зале филармонии звучат мощные звуки симфонии, звучат на весь мир, как символ величия человеческого духа.